

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Дмитрия Михайловича Красоткина «Многозначность
художественного текста: уровни и механизмы (на материале русской
эпической прозы XX в.)» представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности
5.9.3 — Теория литературы

Центральная для диссертации Д.М. Красоткина проблема многозначности художественного текста имеет многовековую историю рассмотрения: от античных поэтик и риторик до философской герменевтики, семиотики, лингвистики и литературоведения XX века. И для современной литературоведческой науки являются важнейшими вопросы о том, имеет ли художественный текст один смысл (пусть и сложноустроенный) или много смыслов, как эти смыслы соотносятся друг с другом, с позициями автора и реципиента. Попытки ответов на эти вопросы во многом определяют, хотя как правило – имплицитно, подспудно – основные подходы к изучению художественного текста: от постмодернистской деконструкции и интертекстуального анализа – до мифопоэтических, нарратологических, герменевтических исследований. Всё сказанное выше свидетельствует о несомненной **актуальности** исследования Д.М. Красоткина, в котором он предлагает вариант решения одной из универсальных для литературоведения задач.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней, с одной стороны, впервые многозначность или, точнее, многосмысленность художественного текста рассматривается через выявление системы уровней текста и описание механизмов образования многозначности.

Рассматривая историю изучения многозначности, Д.М. Красоткин отталкивается от фундаментальных работ Г. Фреге по логической семантике и прежде всего – статьи «О смысле и значении». Также автор диссертации

упоминает как исследования лингвистов, касающиеся понятий смысла, значения, многозначности (Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева, И.Р. Гальперина, А.А. Зализняка, В.И. Карасика, М.В. Никитина и др.), так и литературоведов (М.М. Бахтина, Б.М. Гаспарова, Ю.В. Доманского, М.Я. Дымарского, Ю.М. Лотмана, И.П. Смирнова, В.И. Тюпы и др.). Ключевыми для формирования представленной в диссертации теоретической концепции стали работы У. Эко по семиотике и рецепции текста, Т. ван Дейка и В.А. Миловидова о дискурсе, И.В. Фоменко о тексте как системе смыслопорождающих механизмов. В целом, **теоретическая и методологическая база** диссертации представляется довольно основательной, соответствующей масштабу решаемых научных задач. Вместе с тем, выбор теорий, на которые опирается и ориентируется Д.М. Красоткин вызывает вопрос: *чем обусловлено то, что при обсуждении категорий смысла, проблем многозначности, соотношения смысла и контекста, автор, в целом, игнорирует герменевтические теории?* Тот же Х.-Г. Гадамер в диссертации упоминается только в контексте размышлений о связи смысла с читательскими ожиданиями (с. 189). Вместе с тем, именно в герменевтической традиции (от античности до философской герменевтики XX века) подробно обсуждаются важнейшие для исследования Д.М. Красоткина проблемы смыслового единства текста, уровней истолкования, адекватности интерпретации, соотношения смысла текста с позициями автора и читателей, с контекстом эпохи, традицией и т. п.

Структура работы соответствует сформулированным во введении к диссертации задачам. В 1-й главе («Многозначность текста») разрабатываются основные теоретические положения исследования и обсуждается содержание важнейших понятий: смысл, текст, дискурс. В целом, трудно не согласиться с авторским утверждением о многозначности художественного текста, а также с тем, что многозначность текста имеет не статичный, а динамический характер (текст не только «хранит» некоторые смыслы, но постоянно актуализирует новые). При этом всё же хотелось бы уточнить, как, по мнению, автора диссертации соотносятся утверждения о **многозначности текста** и

*множественности его смыслов? Если многозначность смысла художественного текста обуславливает **вариативность** его интерпретаций (с. 39), то что в таком случае будет выступать в качестве семантического **инварианта**? Имеется ли в виду некий целостный смысл, в котором каждый интерпретатор фиксирует определённые грани, аспекты? Или же каждая интерпретация актуализирует некий самостоятельный по отношению к другим толкованиям (но не к тексту) смысл? Если имеется в виду последнее, то почему постулируется именно **вариативность** (а не просто множественность) толкований?*

Чрезвычайно продуктивным в свете современных филологических теорий представляется понимание Д.М. Красоткиным многозначности текста в связи с категорией дискурса. Действительно, именно обусловленность текста событием коммуникации определяет многогранность и динамизм его семантики. Однако несколько «режет слух» и требует пояснений определение дискурса «как текста, погруженного в определенный контекст восприятия» (с. 39). Но как же быть с контекстом креации, сотворения текста? Или с контекстом, к которому выводит содержание текста, изображённая в нём «реальность»? Рецептивный аспект составляет только одну из граней коммуникативного события, безусловно, необходимую, но не единственную. Содержание работы (например, параграф 2.5. второй главы) вроде бы указывает, что автором диссертации учитывается и контекст, связанный с авторской, творческой позицией. Но всё же требуется пояснение от автора диссертации: *как, по мысли автора исследования, в плане актуализации многозначности текста соотносятся рецептивный, креативный, референтный (предметный) аспекты художественного дискурса? Многозначность «порождается» всё же рецепцией или же художественной коммуникацией в целом?*

Убедительным и научно продуктивным представляется также предпринимаемое автором разграничение уровней многозначности (соответствующих уровням текста) и механизмов смыслообразования (гл. 2 «Уровни многозначности» и 3 «Механизмы многозначности»). Безусловно,

многозначность художественного текста проявляется на разных уровнях его семантики и может быть соответствующим образом описана. Заслуживает поддержки и подход автора к рассмотрению каждого семантического уровня связи с включенностью текста в определённый контекст (контекст цикла, биографический контекст, контекст языка, интертекст и т.д.). При этом некоторые аспекты концепции Д.М. Красоткина, представленной в гл. 2 и 3, вызывают вопросы. Так, *почему к уровню контекстуальных предпочтений (с. 82-88) отнесен только контекст цикла, но не принимается во внимание, например такой значимый фактор, как контекст авторского творчества (связанный том числе с таким текстуальным элементом, как имя автора)?*

В начале третьей главы Д.М. Красоткин совершенно справедливо указывает на то, что феномен различий в интерпретациях одного и того же текста обуславливается тем, что интерпретаторы акцентируют внимание на разных его уровнях (кто-то например, учитывает интертекстуальные переключки, а кто-то исторический контекст). Можно согласиться и с тем, что различные интерпретации не образуют некой иерархии. *Но значит ли это, что они никак не связаны друг с другом?* На с. 162 автор диссертации утверждает, что «комплементарные интерпретации (смыслы) принципиально не связаны друг с другом, и в этом заключается их дополнительность» (с. 162). *Но как в этом случае быть с таким связывающим фактором как дискурс?* Думается, различные интерпретации всё же чем-то связаны: и в основе этой связи — формальная направленность на один и тот же текст, а причастность смысловому целому произведения как коммуникативного события. Читательские толкования какими бы «вариативными» они ни были, являются не только «акциями», но **ре-акциями** как на осмысляемую в тексте «суть дела», так и на авторскую позицию. Различные интерпретации могут дополнять друг друга: как **адекватные**, то есть соответствующие интерсубъективному смыслу текста. Неадекватные интерпретации могут и **исключать** другие — неадекватные произвольные. Впрочем, высказанные нами суждения, конечно, дискуссионны.

В 4-й главе («Пределы» интерпретации») Д.М. Красоткин связывает проблему многозначности с вопросом об адекватности интерпретации. Чрезвычайно важным видится используемое Дмитрием Михайловичем понятие «релевантности смысла», его соотнесённости с *контекстом* осмысления. Представляется интересным и продуктивным в научном отношении, хотя и дискуссионным, вводимое автором диссертации понятие «сопротивления текста». Д.М. Красоткин очень точно определяет факторы надёжности интерпретации: «соотнесённость интерпретирующих тезисов с текстом (... соотнесённость интерпретирующих тезисов между собой)» (с. 236-237). Вопрос вызывает трактовка релевантности интерпретации, как её соответствия положенному основанию: «Аналитик не может сказать, какое толкование правильное, а какое неправильное, но он может установить релевантность прочтения определенному основанию» (с. 217). По мнению автора работы *насколько свободен «аналитик» в выборе такого основания для интерпретации. Должен ли аналитик при формировании оснований интерпретации учитывать и такое «основание», как сам интерпретируемый текст? Или же текст, в конечном итоге, «поддаётся» любому последовательному, внутренне непротиворечивому, толкованию?*

Сделанные в заключении диссертации **выводы** соответствуют тем задачам, которые были сформулированы во введении к диссертации. Можно утверждать, что цель исследования («классификация уровней многозначности и выявление механизмов многозначности на материале русскоязычной эпической прозы» - с. 9) в диссертационном исследовании достигнута.

В то же время необходимо указать на ряд неточностей в тексте работы. Так, на с. 45-46 автор диссертации излишне прямолинейно трактует установку русской литературной критики XIX века, связывая её с тезисом: «искусство отражает действительность». В качестве примера такого подхода к литературе Д.М. Красоткин приводит рассмотрение В.Г. Белинским романа «Евгений Онегин» в цикле статей «Сочинения Александра Пушкина». При этом Дмитрий Михайлович, цитируя восьмую статью цикла, допускает довольно

поверхностные суждения об интерпретации Белинским пушкинского романа: «Белинского не интересуют главные герои и сюжет, его интересует культурно-исторический фон», «Онегин и Татьяна ... мало интересуют Белинского» (с. 46). Но как же «мало интересуют», если Белинский именно анализу характеров Онегина и Татьяны посвящает большую часть двух пространственных статей (8-й и 9-й)? Рассмотрение Белинским «Евгения Онегина», как и всего пушкинского творчества, в широком социально-историческом контексте не исключает, но как раз предполагает интерес критика к художественно-изобразительной стороне романа: его героям, сюжету, образам.

Ещё одна курьезная неточность допущена в анализе бунинской «Антигоны». Основываясь на нескольких замечаниях героя о «не моргающих глазах» главной героини, Д.М. Красоткин утверждает, что «девушка слепа». Но как же может слепая девушка, к примеру, читать книгу Мопассана? Да и вообще исполнять обязанности медицинской сестры? По всей видимости, указывая на особенность взгляда героини, Бунин имел в виду что-то другое. Или, быть может, о слепоте героини автор диссертации говорит в переносном смысле? Однако в тексте работы об этом ничего не сказано.

Перейдём к выводам. Масштаб и сам характер постановки проблем в диссертации соответствует теоретико-литературной направленности исследования. Выбор в качестве рассматриваемого в диссертации материала эпической прозы XX века не отменяет возможности переноса результатов исследования на произведения других литературных родов и стадий литературного процесса. Предлагаемая Д.М. Красоткиным теория, в целом, обосновывается представленными в тексте диссертации разборами художественных текстов. Адресованные Д.М. Красоткину вопросы имеют хотя и принципиальный, но дискуссионный характер и обусловлены как актуальностью решаемых в диссертации задач, так и серьёзностью сформированной в работе теоретической концепции, вызывающей живой научный отклик. Сделанные замечания имеют частный характер и не влияют на общее положительное впечатление от диссертации.

Работа Д.М. Красоткина представляет собой оригинальное исследование, посвященное решению важных проблем теоретического литературоведения, оформлена в соответствии с правилами ВАК, основные результаты исследования опубликованы в рецензируемых научных журналах и изданиях, содержание автореферата отражает основные идеи и выводы диссертации. Диссертация отвечает пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, а автор диссертационной работы заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3. Теория литературы.

13 мая 2024 года

Кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
теоретической и исторической
поэтики РГГУ

Юрий Владимирович Подковырин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

Адрес: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6

Тел.: +7 (495) 250-61-18

E-mail: rsuh@rsuh.ru

Тел. оппонента: +7 909 522 94 32, e-mail: mail1981@list.ru

